

Ришин-Шмид

Степан Федорович

*От города Калинина до города
Берлина*

У моего нынешнего собеседника очень редкая и необычная фамилия - Ришин-Шмид. Этакий немецко - польский симбиоз, завершающийся совершенно русским именем и отчеством - Степан Федорович.

В народе говорят, кто в мае родился, тому всю жизнь и маяться. Вроде как и про него, поскольку родился Степан Федорович действительно в мае. Да вот только молва людская не всегда в обнимку с жизнью ходят. Чаше свои пути - дороженьки у каждой. Про таких, как он, по - другому говорят - Бог дал. А как еще, если исполняется этой весной Степану Федоровичу девяносто лет.

Поначалу показалось, что я ошибся домом. Фамилия хозяйки была Серякова.

Тамара Степановна и ее муж Александр Петрович знакомы мне давно. Сама же фамилия и того раньше. Светлой памяти отец Александра Петр Иванович в свое время был знатным механизатором в Черниговке. Впрочем, и вся семья, чем и приметна на селе, так это здоровым, исконно русским образом жизни. Если одним словом - трудяги.

Меня обрадовала эта неожиданная встреча, однако приехал я в Черниговку по другому поводу. Ну и попросил хозяйку объяснить, где живет интересующий меня человек с редкой фамилией Ришин-Шмид. «Так это папа мой», - Тамара Степановна улыбнулась, открыто, по - русски. Вот тебе раз - «искали рукавицы, а они за

поясом». Хозяйка попросила подождать минут десять. Меня это несколько не удивило, потому как ветераны, с которыми приходилось встречаться раньше, довольно щепетильны во многих вопросах этикета, и если и готовы встретить неожиданного гостя, то в полном всеоружии. Так и оказалось. Степан Федорович предстал при всем параде ряд орденов и медалей, белая в полоску, отутюженная рубашка. Весь его облик говорит о том, что человек этот склонен к аккуратности. О какой – то мешковатости, свойственной иногда людям его возраста, не было и речи. Я бы даже не рискнул назвать его дедом, хотя слово это, на мой взгляд, хорошее и теплое, и никак не может обидеть человека. Скорее, наоборот.

Просто не вписывался он в свои девяносто с какой стороны ни глянь, но одна характерная черта явно говорила о том, что человек этот прожил очень непростую и долгую жизнь. Это глубокий внутренний покой. Он свойственен людям, прошедшим ад на земле. А каким еще словом обозначить войну? На мой взгляд, синонимов у этого понятия нет. Вот границы есть - круг, в котором каждому отведено только свое место. Его оказалось в центре, где сама надежда на что-то иное, чем смерть, казалось абсурдом.

Четыре года на передовой, три ранения и долгая дорога от города Калинина до города Берлина. А прошел ведь всю до конца. Степан Федорович делает поправку: «Не прошел -прополз!» Этот способ передвижения был единственно надежным все четыре года. Ходить в полный рост учились заново уже после войны.

Меня удивляет не сам рассказ фронтовика. Хотя, если честно, можно и позавидовать по-доброму его памяти. Удивительна сама форма. Даже довольно мрачным воспоминаниям он старается придать более мягкий окрас, так что ужас изложенного вызывает совершенно неуместную казалась бы улыбку.

Ну вот хотя такое: «Не умел бы дрожать - замерз». Это он о ночах, проведенных на голой промерзшей земле с кем -нибудь из товарищей. Плащ - палатка одного была постелью. Другая одеялом.

Какие там блиндажи или деревенские избы, если подстилка из веток считалась высшим комфортом. Но это если очень повезет. Везением считалось и то, если успевал открыть хоть какой – то маленький окопчик. Передовая уничтожала все

привычные понятия прежней, обычной человеческой, жизни, с особым садизмом, словно стремилась убить саму человеческую суть раз и навсегда. Не получилось!

«Он всегда так рассказывает», - Тамара Степановна говорит это с особой интонацией, как бы давая собеседнику возможность быстрее вникнуть во внутренний мир отца. Она не покидает нас за все время разговора не любопытства ради. Просто боится, что Степан Федорович может что - то упустить, а то и посчитать незначительным. Поэтому постоянно достает то семейные альбомы с фронтовыми фотографиями, то наградные документы, то записи, сделанные своей рукой.

Не нужно обладать особой проницательностью, чтобы понять, что Степан Федорович не просто член семьи, отец и дед. Он - символ, причем, в самом серьезном понимании этого слова.

«А знаете, как он поет частушки? - Тамара Степановна обращается к отцу: - Папа, спой». Однако, он то ли не дослышит, то ли хитрит, не торопясь исполнить просьбу дочери. Вообще, за ними очень интересно наблюдать. Внешне очень непохожие друг на друга - типичные антиподы. Он - высокий, с виду строгий, с медальным профилем лица, она же - небольшого роста, с постоянно открытой доброй улыбкой. Но вот связь... очень тонкая духовная и теплая, настолько сильна между дочерью и отцом, что я почти физически ощущаю особое дуновение двух человеческих аур.

«Он у нас очень внимательный, - раскрывает очередную черту отцовского характера Тамара Степановна, особенно к женщинам. Уж если 8 Марта, ни кого не забудет ни родных, ни знакомых». На тот случай У Степана Федоровича есть свой пенсионный фонд, и наказ дочери самый строгий - чтобы всем подарки.

Он держит форму несмотря на почтенный возраст и, как я понял, это одна из его главных жизненных позиций, которая позволяет не стареть с годами.

Есть у Степана Федоровича одна очень заветная мечта - встретиться с фронтовыми друзьями Михаилом Хаимовичем Лазовским и Михаилом Мальцевым. С той поры, как их подразделение расформировали в Берлине, он товарищей больше

не видел. Живы ли они? Собирается отправить письмо не передачу «Жди меня». Вдруг откликнется кто?

Мне очень хочется, чтобы это случилось. И пусть эта встреча, если она состоится, станет самой теплой наградой для солдата, выполнившего свой ратный долг до конца.

Литература:

Таратынов, Н. От города Калинина до города Берлина [Текст] / Н. Таратынов // Нива. – 2006. – 5 мая. – С. 2.